

Глаза старшей горничной были широко раскрыты, и она смотрела в пустое пространство прямо перед собой, а не на Азриэль. Ее лицо постепенно бледнело, как будто она стала свидетелем чего-то ужасного.

— Старшая горничная, что случилось?!.. — Азриэль, потрясенная происходящим, дернула ее за подол.

В этот момент женщина задрожала, как будто в нее ударила молния, прежде чем опуститься на землю и отползти назад на четвереньках.

— Ух, о, о, а-а-а!

Она поспешно вскочила на ноги и с криком бросилась прочь.

Азриэль застыла в изумлении, наблюдая, как старшая горничная поспешно исчезает. Она осмотрела то место, куда смотрела женщина, но ничего не смогла увидеть. Все, что она заметила, — ведро, наполненное водой, и коробку, аккуратно лежащую на земле.

«Не может быть...»

Она осторожно подняла коробку. Шелковая лента, обернутая вокруг нее, была завязана в замысловатую форму, которая казалась слишком трудносоздаваемой, чтобы развязывать. Ее пальцы нервно теребили край ленты, когда она оглядывалась по сторонам.

— Господин волшебник?.. Где вы?

Наступила тишина. Бледный волшебник не материализовался.

— Господин Решит... Нет, господин Рёма! Вы, случайно, не делали что-нибудь прямо сейчас, случайно?..

Зная, как глупо она может выглядеть, девушка все же задала свой вопрос в пустоту. Она подождала некоторое время, но ответа не получила. Единственными звуками были шелест листьев на ветру и шум людей, проходящих и уходящих со стороны замка. Казалось, что все это ей приснилось. Если бы не коробка в ее руках, Азриэль бы задавалась вопросом, не задремала ли она стоя.

В замешательстве посмотрев на причудливую коробку, она подумала: «Он дал это мне? Почему?»

Она чувствовала себя неловко и настороженно, но не могла просто оставить все как есть. Наконец она решила позже отнести коробку в свою комнату и вернулась к своим обязанностям

по переноске воды.

Рёма Решит встал перед телом старшей горничной и холодно посмотрел на труп, лежащий у его ног. Прошло много времени с тех пор, как он убивал кого-то, кто не был волшебником.

«Как ты смеешь?» — подумал он.

Мужчина не сожалел о своих действиях. На самом деле, он даже считал, что этого мало.

«Как она смеет проклинать ее? Как она посмела поднять на нее руку? Как она смеет, как она смеет?!»

Эти слова заполнили его разум. Жестом руки волшебник превратил труп старшей горничной в пыль, которая рассеялась на ветру. Хотя он наблюдал за пылью, которая не так давно была дышащим существом, его разум был занят другими мыслями.

Потертые туфли с наполовину отвалившейся подошвой, нога с выжженным клеймом, ноги в шрамах, которые были такими тонкими, что, казалось, сломаются от малейшего прикосновения, изношенная юбка, потрескавшиеся губы и ладони, большие запавшие глаза, которые выглядели измученными — да, эти измученные, золотистые глаза...

«Когда уходил, я не думал, что она будет жить так».

Что-то всколыхнулось в его бесплодном сердце. Он не мог описать эмоции, которые испытывал, и просто продолжал повторять все те же слова, как попугай.

«Я думал, ты будешь счастлива. Я просто хотел, чтобы ты наслаждалась богатой и счастливой жизнью, как и другие люди...»

Он потерял лицо, исказившееся от его мыслей. Внутри него что-то бурлило и не собиралось успокаиваться. Редко когда его спокойствие нарушалось, потому он не знал, что делать. Чем больше размышлял над ситуацией, тем сильнее нарастало в нем чувство тревоги. Возможно, это чувство утихло, когда он оправдывался перед самим собой, говоря, что зашел проверить, как она живет. А может быть, все пошло наперекосяк уже когда он решил покинуть ее.

«Если ты не была счастлива, когда я ушел, тогда лучше бы я был рядом...»

Нет, это не возможно. Он прекрасно знал, что сделает ее несчастной — даже больше, чем сейчас. Однако мужчина не хотел оставлять ее в таком состоянии. Волшебник осторожно закрыл глаза.

Приготовления к приему гостя были закончены только поздно вечером.

— Азриэль! Азриэль! Ты здесь?

Азриэль пристально смотрела на коробку, которую ей еще предстояло развернуть, но поспешила спрятать ее, услышав голос снаружи.

— Да, — ответила она, — я здесь. Заходи внутрь.

— Хе-хе, — засмеялась Мэйли, проскальзывая к ней. Она была миловидной горничной с вьющимися рыжими волосами и единственной подругой Азриэль. Пряча что-то за спиной, она пожала плечами. — Угадай, что я тебе принесла.

— Дай-ка подумать... Я чувствую что-то сладкое, — предположила Азриэль.

— Смотри!

Широко улыбнувшись, Мэйли протянула то, что прятала. В ее руке, завернутый в бумагу, оказался круглый шоколадный торт размером с ладонь. В его центре восхитительно лежала вишенка. Глаза Азриэль расширились.

— Разве это не десерт для гостей?

— Да! Этот немного помялся, поэтому шеф-повар дал мне, так как его больше нельзя подавать. Я принесла, чтобы поделиться с тобой.

Это был драгоценный десерт, который было трудно достать простым служанкам, но Мэйли решила протащить его в комнату Азриэль, чтобы поделиться. Тронуая ее заботой, Азриэль почувствовала, что уже ощущает сладость торта на языке — тем более, что день был исключительно тяжелым.

Девушка улынулась и покачала головой:

— Ты можешь сама все съесть. Я в порядке. Я все равно не люблю сладости, и знаю, что ты — очень любишь.

— Но ты же любишь шоколад! Давай поедим вместе, пожалуйста! И посмотри сюда, я также принесла и это! Ты ведь не ужинала, верно?

Мэйли взяла буханку хлеба из корзины, висевшей у нее на руке, и одним движением вложила ее в руку Азриэль. Пахло сладко.

— Ты ведь голодна?

Азриэль вспомнила, как брат говорил ей это же, когда давал ей кусок хлеба, они тогда были маленькими. Ее голос дрогнул, когда девушка сказала, пристально глядя на хлеб:

— Большое спасибо.

— Не за что, — ответила Мэйли.

Она села рядом с Азриэль и рассмеялась. Они не всегда были друзьями. Когда девушки встретились впервые, Мэйли не хотела с ней сблизиться. Хотя она и не придиралась к ней, как другие слуги, но все равно избегала. Слишком бледная кожа Азриэль отталкивала людей, она была характерной чертой, присущей только этническим народам, живущим на севере, поэтому ее внешний вид здесь был непривычным. Мэйли также никогда раньше не видела никого с золотистыми глазами, и они показались ей странными. Кроме того, ей не слишком нравился тот факт, что Азриэль-рабыня была одета лучше, чем другие служанки.

Затем, в один прекрасный день, пара сережек, которыми так дорожила графиня Колт, исчезла. Мэйли была последней, кто вышел из ее гардеробной, поэтому ее и заподозрили в воровстве. Мало того, что девушку собирались вышвырнуть из поместья, она также должна была оплачивать долг в размере стоимости сережек. Никто не верил в невиновность Мэйли, кроме Азриэль, которая в этот момент вышла вперед и заговорила.

— Должно быть, леди Дебора одолжила эти серьги. Они должны быть в ее шкатулке с драгоценностями.

И, как она и сказала, серьги были найдены у Деборы. Она не собиралась их красть, но забыла вернуть после того, как позаимствовала и надела их однажды без согласия матери. Конечно, Дебора не признала своей вины. Она настаивала на своей невиновности.

Графиня предпочла наказать Азриэль вместо того, чтобы раскрыть вину своей дочери перед всеми слугами.

— Если подумать, ты, должно быть, украла их и спрятала в шкатулке с драгоценностями моей дочери, когда все пошло не по твоему плану!

Графиня знала, что Азриэль их не крала, но правда была для нее бессмысленна. Девушку жестоко выпороли и заперли в темнице замка на месяц в качестве наказания. Другие слуги поверили лжи о том, что Азриэль украла серьги. А некоторые держали рот на замке даже после того, как узнали правду, опасаясь репрессий. Они были теми, кто плохо отзывался об

Азриэль и повлиял на общее мнение о ней.

— Ее всего лишь наказали за то, что она украла вещь мадам, — сплетничали слуги и горничные. — Почему к этой рабыне так благоволят?

<http://tl.rulate.ru/book/59161/1656019>